

Глава 12 Шестой год Шэньчу

Песнь разлуки

Маленькая лодка была всего в шаге от берега, и её борт находился на некоторой высоте. Лодочник уже собирался сойти, чтобы помочь ей подняться на борт, когда увидел, как А-Лай легко прыгнула в лодку, держа свою накидку и другие вещи. Она приземлилась устойчиво рядом с ним. Бросив на А-Лай ещё один взгляд, он объявил о её прибытии в каюту и затем проводил её внутрь.

Кабюта была просторной и тёплой. Посредине небольшого стола красная медная курильница испускала струйки дыма, которые спирально поднимались вверх. В углу ярко горела жаровня, наполненная зелёным углём. Под углём белый сандал смешивался с благовонием в курильнице, испуская очень приятный аромат. Окна по обеим сторонам каюты были подпёрты деревянными планками для вентиляции. Простая занавесь делила каюту на две части, и за ней можно было увидеть силуэт.

Было очевидно, что молодой человек снаружи, который поднялся на лодку, имел осанку и внешность человека из военных. После входа в каюту всё, что видела А-Лай, было высшего качества. Даже зелёный уголь, который семья Се не могла себе позволить, был данью от Ху. А-Лай узнала его, потому что два года назад дядя Дун привёз несколько десятков фунтов, когда ездил в Дунчунь доставлять новогодние подарки семье. Её позвали перенести уголь в кладовую, и дядя Дун сказал ей, что это отличный уголь, и предложил тайком взять немного домой, от чего она отказалась.

А-Лай почувствовала, что была несколько опрометчива, окликнув владельца, поэтому поспешно поклонилась человеку за занавесью:

- Прошу прощения за беспокойство. Я была тронута музыкой и не смогла сдержаться. Пожалуйста, простите меня. Осмелюсь спросить, на каком инструменте вы играете и как называется мелодия?

Человек за занавесью не ответил ей напрямую. Музыка возобновилась, мелодия по-прежнему низкая, но теперь наполненная чувством силы и стойкости, отчего сердце А-Лай забило чаще. Хотя одинокий владелец лодки не говорил, он ответил ей своей музыкой. А-Лай села на подушку перед занавесью, скрестив ноги, полностью погрузившись в непредсказуемый, но волнующий душу звук.

Каждая долгая ночь на пути взросления сопровождалась историями её матери. Из уст матери казалось, что она пересекла половину рек и озёр Великой Юй, ходила по вершинам утёсов высотой в десять тысяч чжанов, но ничего не знала о музыке. Её мать упоминала четырёхструнную, двенадцатиладную жуань и тринадцатиструнную чжэн, и описывала внешность многих музыкальных инструментов. У А-Лай в голове было смутное представление о том, как эти инструменты выглядят, но поскольку она была в семье Се, которая не интересовалась музыкой, она не могла представить, насколько яркой и ясной может быть «Три вариации на тему сливы» или насколько величественной и великолепной была «Рассеянная мелодия Гуанлин».

Оказывается, музыка обладает такой волшебной силой, что трогает душу.

Пока лилась музыка, А-Лай снова не могла не проронить слезу. Вдруг из-за занавеси раздался ясный женский голос:

- Мой учитель спрашивает, почему барышня плачет.

А-Лай ответила:

- Я тронута до слёз этой песней, размышляя о своей жизненной истории, и не могу не почувствовать печаль.

Та женщина сказала:

- Эта песня называется «Чжун Ли», для цитры, сочинённая моим учителем.

- Цитра...

- Да, юная барышня, слышала ли ты историю о Гао Цзяньли, играющем на цитре?

- «Ветер печален, река И холодна. Раз воин ушёл, он не вернётся никогда!»

Её мать, конечно же, также рассказывала ей историю о покушении Цзин Кэ на царства Цинь. Покушение на царство Цинь было беспрецедентно трагично и героично, оставляя глубокое эмоциональное воздействие, благодаря которому Цзин Кэ навсегда остался в памяти мира. Если нельзя свершить великие дела в жизни, по крайней мере, следует поддерживать справедливость, быть честным и действовать смело и добродетельно.

Но почему же её биологический отец - такой мерзкий человек, как Се Тайхан?

А-Лай была озадачена и не желала принимать это. Она не хотела, чтобы кровь Се Тайхана текла в её жилах.

Мелодия «Чжун Ли» тронула А-Лай, заставив её невольно задуматься о своём происхождении.

Господин Се коварен, семья Се - не место, где можно было бы остаться, и ей нужно уйти как можно скорее. Однако сейчас северный голод ещё не прошёл, южные земли всё ещё охвачены войной, а влияние семьи Се распространяется по всему Суйчуаню. Как беглым рабыням без документов, покинуть семью Се было бы легко, но прорваться через ворота Цисяня было бы трудно. Более того, доброта А-Сюнь к ней глубока как море, и у неё ещё не было возможности отплатить, поэтому она не желала уходить прямо сейчас.

Сдерживаемое разочарование в груди было трудно облегчить, но мелодия внезапно изменилась, прервав монолог А-Лай.

А-Лай вдруг опомнилась и поняла, что своими личными делами нарушила возвышенное настроение господина. Она поспешно извинилась. А-Лай внутренне сожалела, что не знает происхождения владельца лодки. Как она могла ослабить бдительность из-за одной лишь музыки? К счастью, она не упомянула репутацию семьи Се или имя Се Тайхана, иначе, если бы у другой стороны были связи с Се Тайханом, это могло бы навлечь на неё беду. Вытирая слёзы с уголков глаз, А-Лай сказала, что уже узнала о музыкальном инструменте и названии мелодии, поэтому не хочет больше беспокоить, и стала прощаться.

После того как занавеска была отдёрнута, послышался слабый звук царапанья, похожий на звук жёсткой кисти, пишущей на бамбуковых планках. Когда царапанье прекратилось, снова раздался женский голос:

- Мой учитель считает, что хотя барышня и молода, она человек, понимающий разум и

ценящий как чувства, так и справедливость. Покушение Цзин Кэ на Цинь действительно трагично, но когда первый император Хань, Лю Бан вернулся с победой после поражения Ин Бу, он громко пел: «Ветер поднимается, облака летят», проявляя безграничный героизм, и играл на этом самом инструменте

А-Лай вздохнула:

- Одно - трагедия расставания, другое - смелость возвращения, и оба так ярко выражены одним и тем же инструментом.

- Мой учитель говорит, что хотя барышня и сетует на своё происхождение, она знает, что происхождение - это то, что нельзя выбрать. Вместо жалоб лучше жить настоящим и следовать своей природе на пути вперёд. Человек, проявивший доброту, не обязательно ожидает немедленного воздаяния от барышни. Лучше сначала возвысить себя, а затем дать лучшую награду в будущем, когда добьёшься успеха. Сегодняшняя печаль может принести завтрашнюю радость. Это парадокс жизни, и он применим к разным мелодиям, исполняемым одним и тем же инструментом.

Восемь иероглифов «□□□□□□□□» («жизненные печали и радости, разные мелодии, один труд») прояснили ум А-Лай.

- Ваше мастерство изысканно, и мудрость, которую вы изрекаете, резонирует подобно золотым звукам и яшмовым вибрациям. У меня изначально был груз на сердце, но с чудесной музыкой «Чжун Ли» он рассеялся. Я очень благодарна. - Сказав это, А-Лай глубоко поклонилась отдёгнутой занавеси, взяла свои вещи и другие принадлежности, сошла с лодки и вышла обратно на холодный ветер.

С другой стороны, А-Лай попрощалась с одинокой лодкой на холодной реке и тихо перелезла через стену обратно в поместье Се. Тем временем Се Тайхан наконец дождался господина Юньмэна.

Беспокойный Се Тайхан ждал в кабинете с раннего утра, постоянно вставая и садясь обратно. Слуга пришёл доложить, что господин Юньмэн вернулся. Он выскочил из кабинета, встретил господина Юньмэна, который нёс сумку за спиной, и, отослав всех слуг, они устроили тайное совещание за закрытыми дверями.

Господин Юньмэн достал из своей сумки свиток, и когда Се Тайхан увидел лицо человека на картине, он не мог не изумиться. Они действительно были похожи процентов на девяносто.

- Эта картина из рук художника из поместья Вэй. Лазутчик, принёсший сообщение, сказал, что Вэй Цзычжо был чрезвычайно одержим человеком на картине. Художник провёл целых полгода, непрерывно рисуя, создал тысячи изображений, только чтобы выбрать наиболее удовлетворительное. Остальные, включая художника и дом, где создавалась картина, были все сожжены дотла. Тот, что забрал Вэй Цзычжо, возможно, с едва заметными отличиями, которые заметила бы только она. Его достал мой доверенный человек из поместья Вэй и эту картину удалось спасти от пожара.

Се Тайхан заметил, что края свитка действительно были слегка опалены.

- Но Вэй Цзычжо всегда был хитрым, и, боюсь, у него другие планы. То, что никто не смог распознать его истинную личность, указывает на его тщательные и неразличимые мысли. Иначе Бочао не погиб бы от его рук. - Господин Юньмэн сделал паузу, испытывая множество чувств, и он невольно печально вздохнул.

Видя его печаль, Се Тайхан похлопал его по плечу, чтобы утешить.

Господин Юньмэн пришёл в себя и продолжил:

- Это дело чрезвычайной важности, и мы должны быть осторожны. Мы не можем позволить себе быть небрежными. Семья Вэй все эти годы была как неприступная крепость. Мы посылали бесчисленное количество людей внутрь, но никогда не могли создать брешь, что показывает глубину опасности в семье Вэй. На этот раз мы должны обработать ситуацию тщательно и досконально, чтобы обеспечить отсутствие ошибок. Если будет даже малейший промах, это поставит под угрозу не только наши жизни, и не только семью Се Суйчуаня, но будет разрушительным бедствием для всей Великой Юй.

Лицо Се Тайхана было суровым, как железо, тёмным и тяжёлым.

Господин Юньмэн посмотрел на юго-восток, где находился император, и сказал с глубокой озабоченностью:

- Сейчас сторонники Старшей принцессы опираются на власть Вдовствующей Императрицы, сговариваются с влиятельными родственниками и занимаются злодейским и извращённым поведением, ища благосклонности масс, чтобы строить заговоры против правящей семьи. Их сердца заслуживают казни! Верность редка среди волков и шакалов при дворе. Император оказался в опасной ловушке. Не только мы, но и бесчисленные праведные чиновники открыто и тайно ищут способы устранить эту злодейку, поддержать праведное дело и принести стабильность в страну. Ваша готовность присоединиться к борьбе и пожертвовать своей служанкой ради служения императору - поистине благословение для императора.

Се Тайхан твёрдо сказал:

- Семья Се поколениями получала императорское жалованье. Как можем мы стоять в стороне во времена кризиса? Простые домашние слуги незначительны. Боюсь, она может быть недостаточно умна или искренна в своих усилиях, что может вовлечь всех вас.

- Можете быть спокойны, господин Се. Если этот план осуществим, я определённо обучу её быть полезным активом.

Се Тайхан поклонился:

- В таком случае, я вверяю это вам.

<http://bllate.org/book/17227/1612200>